

ЮЛИЯ ЛАТЫПОВА

ЧАСТОТА НОЛЬ

Не бойся леса.

Бойся того, что в нем молчит

Юлия Латыпова

Частота ноль

<https://litres.ru/74068204>

SelfPub; 2026

Аннотация

Когда твой телефон разряжен, а компас сходит с ума — значит, ты заблудился. Когда птицы замолкают, а лес начинает шептать твоё имя — значит, ты уже не один.

Лера, Кира и Яна ушли в глухой бор, чтобы сбежать от прошлого. Но в этом лесу нет тишины. Здесь звучат голоса, которых не может быть. Их собственные слова возвращаются из-под земли — искажённые, чужие, как будто кто-то записал их и проигрывает обратно.

Это не просто прогулка. Это ловушка. На частоте, где время застыло, а обратной дороги нет. И тишина здесь не пустая. Она слушает. Она помнит. И она уже произнесла их имена.

Содержание

Перед прочтением	4
Глава 1. АВТОБУС	7
Глава 2. ТРОПА	12
Глава 3. КРУГ	16
Глава 4. ГОЛОСА	24
Глава 5. ОЗЕРО	30
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Юлия Латыпова

Частота ноль

Не бойся леса, бойся того, что в нём молчит

Перед прочтением

Получите полное погружение в атмосферу книги с плей-листом «Частота ноль». Включайте на первой странице и не снимайте наушники до последней.

Оператор должен быть всегда. Иначе ОНО...

Трек-лист:

1. Kammarheit — «The Starwheel»
2. Svartsinn — «Traces of Nothingness»
3. Atrium Carceri — «The Dark Mother»
4. Lustmord — «Black Static»
5. Chelsea Wolfe — «Carrion Flowers»

* Плейлист можно найти в VK по названию «Частота ноль».

Глава 1. АВТОБУС

Автобус уехал.

Лера стояла на обочине и смотрела, как он растворяется в вечерней дымке — сперва стал полупрозрачным, потом серым пятном, потом точкой, потом ничем. Дизельный гул ещё висел в воздухе, но уже затухал, как отзвук колокола, в который ударили один раз.

Она поёжилась. Не от холода — август был тёплым, даже душным. От тишины, которая навалилась сразу, как только смолк двигатель. Тишина здесь была другой — не такой, как в городе. В городе тишина всегда с изнанкой: холодильник гудит, соседи переговариваются, машина проедет, телефон звякнет. А здесь тишина была сплошной. Как ватное одеяло.

— Могли бы и до нормального места доехать, — сказала Лера, просто чтобы услышать свой голос. — До турбазы какой-нибудь. С душем. Где люди.

— Смысл тогда вообще из города выезжать? — Кира даже не обернулась. Она стояла на краю асфальта, оперев руки в бока, и рассматривала что-то в бумажной карте. Карта была старая, сложенная вчетверо, с гербом СССР в углу и коричневыми кругами от кружки на сгибах.

— Турбаза — это те же люди, те же разговоры, те же уведомления, — продолжала Кира. — А я хотела отвлечься. Просто отвлечься. Три дня без необходимости всё контро-

ликовать.

Лера знала, о чём она. Знала — но не спрашивала. Они договорились: в этом походе никаких разговоров о прошлом. Только лес, только настоящее, только три подруги, которые не виделись пять лет.

— Отвлечься можно было и в ресторане, — заметила Лера.

— В ресторане ты уже была. Сто раз. А здесь — ни разу. — Кира наконец подняла глаза и обвела рукой горизонт. — Посмотри вокруг. Красота же.

Лера огляделась. Место было, мягко говоря, не парадное. Остановка — деревянный навес на подгнивших столбах, скамейка без двух досок, расписание за мутным стеклом, выцветшее до полной нечитаемости. И табличка: «Зона радиомолчания № 7». Жестяная, ржавая, на одном гвозде. Ветер раскачивал её, и она скрежетала — мерно, ритмично, как метроном. Или как аппарат искусственного дыхания: вдох-выдох, вжик-вжик.

— Почему номер семь? — спросила Лера. — Где первые шесть?

— Первые шесть — это легенда, — отозвалась Яна.

Лера повернулась. Яна стояла поодаль, почти у самой кромки леса, и смотрела не на остановку, не на подруг, а на сосны. Вернее — между ними. В темноту, которая уже сгущалась под кронами, хотя солнце ещё висело над горизонтом.

— Говорят, в шестидесятых здесь была сеть объектов, — продолжала Яна негромко, и Лере пришлось напрячь слух, чтобы разобрать слова. — Военные изучали распространение радиоволн. Построили семь вышек. Шесть потом закрыли, снесли, застроили. А седьмая осталась. Про неё то ли забыли, то ли специально вычеркнули.

— Откуда ты это знаешь? — спросила Лера.

Яна пожала плечами.

— Читала. И... — она замялась, — слышала. Мне говорили об этом месте.

— Кто говорил?

Яна не ответила. Правая рука теребила край карты, торчавшей из кармана ветровки. Лера знала эту карту. Карты Таро. Яна таскала их с собой с восьмого класса — тогда она была просто странной девочкой, которая рисует в тетрадях пентаграммы и говорит, что слышит «шум». Но они договорились не спрашивать. У каждого в этой троице было что-то, о чём не спрашивали.

— Ладно, — сказала Лера, поправляя лямку рюкзака. Он был тяжёлым — она взяла слишком много вещей, которые «вдруг пригодятся». Плюшевый медведь. Блокнот для скетчей. Пачка сигарет, хотя она не курила со школы. Наушники, разряженные в ноль. В кармане куртки лежала зажигалка — жёлтая, с нарисованной пчелой. Она таскала её с восьмого класса, когда пыталась курить, чтобы казаться крутой. Курить бросила, зажигалку — нет. Привычка. Или талисман.

Она всегда говорила себе: «Вдруг пригодится». Вещи успокаивали её. Вещи были тем, что можно контролировать, когда всё остальное выходило из-под контроля. — Лес так лес. Трое суток так трое суток. Но если через час мы не найдём место для лагеря, я голосую за возвращение к трассе и ловлю попутку.

— Не найдёшь — будешь ночевать на остановке, — Кира хмыкнула. — Там, кстати, скамейка есть.

— Очень смешно.

Кира застегнула рюкзак, поправила лямки разгрузочного жилета — она была единственной, кто оделся как в экспедицию, с приборами в карманах и антенной-тарелкой в боковом чехле, — и первой шагнула на тропу.

Яна задержалась на секунду. Лера увидела, как она вытащила из кармана карту и быстро глянула на неё — даже не глянула, а коснулась пальцем. Перевернула. Лера не успела рассмотреть рисунок, но узнала рубашку по сине-серому узору. Карта была одна и та же — Яна таскала её с собой весь последний месяц, с тех пор как они договорились о походе.

— Что там? — спросила Лера.

— Ничего. — Яна спрятала карту в карман. — Пойдём.

Лера закинула рюкзак на плечо и шагнула на тропу. Лес сомкнулся за спиной.

С остановки донёсся последний скрежет таблички — вжик-вжик, — а потом и он стих.

Идти было легко. Тропа — широкая, утоптанная, без ко-

лючего кустарника. Сосны стояли высокие, прямые, с янтарными стволами, и солнце просвечивало сквозь кроны косыми золотыми полосами. Пахло хвоей и сухой землёй. Где-то далеко пересвистывались дрозды. Лера даже начала расслабляться — впервые за последние дни.

А потом она поймала себя на мысли, что идёт и не чувствует страха. Это было странно. Она боялась всегда. Темноты, высоты, незнакомых людей. В детстве — зеркал, потому что в них иногда отражалось не то, что должно. В старших классах страх перерос в панические атаки, и она лежала в больнице, пила таблетки, училась дышать по квадрату. Вдох — два-три-четыре. Задержка. Выдох — два-три-четыре.

Сейчас она не дышала по квадрату. Ей было... спокойно. Как будто лес ждал её. Как будто она шла домой.

— Лера, ты чего застыла? — голос Киры выдернул её из мыслей.

— Ничего. — Лера тряхнула головой. — Просто задумалась.

Она ускорила шаг, догоняя подруг. Но странное чувство не проходило. Что-то в этом лесу было знакомым. Как песня, которую слышал в детстве и забыл. Как лицо из сна, которое не можешь вспомнить при свете дня.

Она отогнала эти мысли и пошла дальше.

Глава 2. ТРОПА

Первые полчаса были почти приятными.

— Красиво, — признала Лера. — Ладно. Признаю. Красиво.

— Я же говорила. — Кира улыбнулась через плечо. — Через час скажешь спасибо.

Они шли не торопясь. Кира сверялась с компасом, иногда останавливалась и делала пометки в блокноте — координаты, время, высоту. Яна шагала легко, молча, и Лера заметила, что она больше не смотрит под ноги. Она смотрела по сторонам, иногда — вверх, иногда — вглубь леса, и лицо у неё было спокойное, даже умиротворённое. Как у человека, который наконец оказался там, где должен быть.

— Смотрите, белка, — сказала Кира и показала на сосну справа от тропы.

Белка сидела на нижней ветке, свесив пушистый хвост, и грызла шишку. Обычная рыжая белка с кисточками на ушах. Лера остановилась — она любила белок, в парке всегда подкармливала их орехами.

— Привет, — сказала она негромко.

Белка замерла. Шишка выпала из лапок и глухо стукнулась о землю. Белка не убегала. Она сидела и смотрела на Леру — не моргая, не двигаясь. Чёрные глаза блестели, как бусины, и в них не было ни страха, ни любопытства. Вообще

ничего.

— Идём, — сказала Яна и потянула Леру за рукав. — Не тревожь.

— Я не тревожу. Я просто...

— Идём.

Лера пошла, но через несколько шагов обернулась. Белка всё ещё сидела на ветке. Шишка валялась на земле. И Лера заметила то, чего не заметила сразу: под этой сосной шишек было очень много. Десятка два. Все — раскрытые, пустые, как будто кто-то съел все семена. Они лежали не хаотично, а ровным полукругом. Как будто их разложили специально.

Она ничего не сказала. Просто пошла быстрее.

Птицы замолчали.

Лера поняла это не сразу, а минут через десять. Просто вдруг осознала, что идти стало слишком тихо. Шаги — есть. Дыхание — есть. Ветер в кронах — есть, но какой-то далёкий, приглушённый, как через подушку. А птиц нет. И дроздов нет. И дятла, который стучал где-то слева, тоже нет. И насекомых нет — ни комаров, ни мошек, ни муравьёв на земле.

— Тихо, — сказала она.

Кира обернулась.

— Что?

— Очень тихо. Слишком.

Кира прислушалась. Пожала плечами.

— Лес. Вечер. Птицы засыпают.

— Птицы не засыпают все одновременно. И насекомые

тоже. — Лера остановилась и расстегнула ворот куртки, как будто ей стало трудно дышать. — Мы в лесу почти час. На мне должно быть уже пять комариных укусов. Где комары?

— Может, дым от костров где-то, — неуверенно сказала Кира. — Или сезон такой.

— Или что-то их отпугивает.

— Что?

— Не знаю. Поэтому и спрашиваю.

Кира посмотрела на Яну. Яна стояла, наклонив голову набок, и, казалось, слушала что-то — не лес, не ветер, а что-то внутри себя. Губы её чуть шевелились, словно она повторяла про себя чьи-то слова.

— Ян, — позвала Лера. — Ты что-то слышишь?

— Шум, — ответила Яна. — Обычный шум. Он всегда есть. Просто здесь он... громче. Как будто кто-то прибавил громкость.

— Что за шум?

— Голоса. Далеко. Не разобрать слов. Как радио между станциями. — Она моргнула и посмотрела на Леру так, будто только что вспомнила, что она не одна. — Не обращай внимания. Это у меня с детства.

— С тех пор, как ты...

— Да. — Яна отвернулась. — С тех пор.

— Здесь это звучит громче? — спросила Лера.

— Да. Как будто я ближе к источнику.

— К источнику чего?

Яна посмотрела ей в глаза.

— Не знаю. Но мы идём в правильном направлении.

Кира кашлянула.

— Ладно. Давайте без мистики. Мы в лесу, здесь нет связи, барахли, молчат птицы. Это странно, но объяснимо. Магнитная аномалия, геологический разлом, что угодно. Предлагаю не накручивать себя и идти дальше. Нам нужно найти место для лагеря до темноты.

— Я не накручиваю, — сказала Яна. — Я просто слушаю.

И она пошла вперёд — легко, быстро, как будто знала дорогу. Кира переглянулась с Лерой, вздохнула и двинулась следом. Лера задержалась на секунду. Ей показалось, что в тишине, висевшей между соснами, кто-то произнёс её имя. Не громко. Даже не шёпотом. Скорее — мыслью. Как будто лес думал о ней.

Она тряхнула головой и пошла догонять подруг.

Через двадцать минут тропа вывела их на поляну.

Глава 3. КРУГ

Поляна была круглой.

Не просто округлой, не просто овальной — а идеально круглой, как будто кто-то взял гигантский циркуль и вырезал кусок леса одним движением. По краям стояли сосны — одинаковой высоты, на одинаковом расстоянии друг от друга. Ни одна ветка не выступала за границу круга. Ни одна травинка не росла внутри.

А в центре росло дерево.

Старая сосна. Высокая, сухая, полностью лишённая коры. Её древесина была не тёмной, не серой — а белой, с лёгким голубоватым отливом, как будто светящейся изнутри. Ветви не расходились в стороны, как у нормального дерева, а закручивались вокруг ствола спиралями — тугими, ровными, как винтовая резьба. На концах веток — не хвоя, а маленькие утолщения, шарики размером с грецкий орех, напоминавшие катушки Тесла.

— Красивая, — прошептала Лера и шагнула вперёд.

— СТОЙ.

Яна схватила её за плечо. Пальцы впились с такой силой, что Лера вскрикнула.

— Ты чего?!

— Не входи в круг. — Голос у Яны был чужим — низким, напряжённым. — Ни шагу.

— Какой ещё круг?

Яна показала. Теперь, когда Лера присмотрелась, она увидела: земля внутри поляны отличалась от земли снаружи. Та, снаружи, была покрыта мхом и хвоей — обычная лесная подстилка. А внутри — тёмная, почти чёрная, и очень ровная, как будто её утрамбовали. И по самой границе круга шла едва заметная канавка — глубиной в палец, шириной в ладонь.

— Это не просто поляна, — сказала Яна. — Это сид. Так называют такие места. Круги в лесу, где растёт что-то одно — дерево, или грибы, или вообще ничего. Я читала о них. В них время течёт по-другому. Войти можно, только если тебя пригласили.

— Кто пригласил? — спросила Кира. — Дерево?

— Не знаю. Но Лера только что почти шагнула внутрь.

— Я не шагнула, — сказала Лера, хотя сама не была уверена. Ей показалось, что земля под ногой мягко пружинила — как будто она уже стояла на границе. Она отступила на шаг. — Я просто смотрела.

— Смотри отсюда. — Яна не отпускала её плечо. — Посмотрите на землю. Внутри круга.

Лера посмотрела. И только теперь заметила то, что лежало у подножия белого дерева.

Птицы.

Много. Два или три десятка. Синицы, воробьи, дрозды, ещё какие-то мелкие, которых Лера не знала по названиям. Они лежали ровными концентрическими кругами, головами

к дереву, как стрелки компаса к полюсу. Крылья расправлены, перья не взъерошены — как будто они не падали замертво, а аккуратно ложились спать. И ни у одной не было глаз. Только пустые, идеально чистые глазницы.

И они не разложились. Вообще. Ни запаха, ни мух, ни следов тления. Как будто умерли минуту назад.

Или как будто не умирали, а просто... опустели.

Лера попятилась. Земля под пяткой мягко пружинила — она стояла на границе канавки, но ещё не внутри круга. Ещё можно было отступить.

— Кира, — тихо позвала она. — Ты это видишь?

Кира уже снимала рюкзак. Доставала прибор — тот самый, анализатор частот, который она показывала им перед походом. Тяжёлая коробка с антенной, экраном и рядом кнопок. Включила, направила на дерево. Антенна смотрела на белую сосну, но сама Кира стояла снаружи, за канавкой.

Прибор пискнул. На экране побежали цифры.

— Частота Шумана, — сказала Кира. — Семь и восемь десятых герца. Резонанс Земли. Норма.

Она перевела антенну на птиц. Цифры на экране исчезли. Сменились одним словом: «НЕТ СИГНАЛА».

— А здесь... ничего. Вообще. Как будто их нет.

— Может, их и правда нет? — предположила Лера. — Может, это мираж?

— Я тоже их вижу. И прибор их не видит. Это странно.

Кира задумалась. Потом сделала шаг вперёд. Ещё один.

Её ботинок завис над канавкой.

— Кира, — предупредила Яна. — Не входи.

— Я не войду. Я только проверю.

Она остановилась у самой границы круга, не переступая канавку. Протянула руку с прибором вперёд — насколько хватало. Антенна пересекла невидимую черту.

И прибор закричал.

Кира не знала, что анализатор умеет издавать звуки. Она никогда не включала динамик — работала в наушниках или просто смотрела на экран. Но сейчас он закричал. Пронзительно, на одной ноте, на частоте, от которой заныли зубы и зачесались глазные яблоки. Звук был высоким и низким одновременно, как будто две частоты наложились друг на друга и создали третью.

Кира отдернула руку. Антенна вернулась за границу круга. Звук оборвался.

Тишина, наступившая после, была хуже крика.

— Частота, — прошептала Кира, глядя на экран. — Ноль запятая ноль герц. Этого не может быть. Частота ноль — это отсутствие волны. Это тишина. Но прибор закричал. Значит, волна есть. Просто она... неправильная.

Она снова направила антенну на дерево — с безопасного расстояния, не пересекая канавку. На экране опять побежали цифры. Семь и восемь десятых. Норма.

— Оно внутри круга, — сказала Кира. — То, что излучает. Снаружи — норма. Внутри — ноль. Граница — вот эта

канавка.

— Частота — это голос, — сказала Яна. — Просто мы не умеем его слушать.

Она опустилась на корточки у самой границы круга. Протянула руку — не к дереву, а к земле, к чёрной утрамбованной почве внутри канавки. Лера хотела её отдернуть, но замерла. Яна прижала ладонь к земле и закрыла глаза.

Прошло десять секунд. Двадцать. Тридцать. Лера считала про себя, потому что счёт помогал не думать о том, что птицы без глаз смотрят на них пустыми глазницами.

— Там что-то говорит, — сказала Яна наконец. — Под землёй. Огромная сеть. Как грибница. Она проводит сигнал. Как антенна. Как ретранслятор. И она повторяет наши имена.

— Что за бред, — сказала Кира, но голос у неё был неуверенный.

— Она говорит: «Кира знает, что такое ошибка. За ошибки надо платить».

Повисла пауза. Лера увидела, как Кира побледнела — лицо стало серым, как древесина белого дерева. Пальцы, сжимавшие анализатор, побелели.

— Откуда ты...

— Это не я. Я только слушаю.

Кира открыла рот, чтобы ответить, но не успела.

Из Лериного рюкзака пробился свет.

Лера сняла его с плеч, расстегнула молнию и достала те-

лефон. Экран ярко горел. На нём было открыто приложение, которого она никогда не видела: чёрный силуэт дерева на сером фоне. Подпись: «Лесной Гид».

И надпись внизу: «Конечная точка: ЛЕРА. Расстояние: 0 м».

Телефон завибрировал — раз, другой, третий. Ритмично. Как сердцебиение. Как ЭКГ.

Лера выронила его. Телефон упал в мох.

— Что это за приложение? — прошептала она.

Яна подняла телефон из мха. Протёрла экран рукавом. Посмотрела на карту, которая теперь отображала лес с высоты птичьего полёта и три пульсирующие точки.

— Это навигатор, — сказала она. — Только он ведёт не к месту. Он ведёт к человеку. К тебе.

— Но я здесь. Расстояние ноль.

— Значит, ты уже на месте.

Лера огляделась. Поляна. Белое дерево. Мёртвые птицы. Больше ничего.

— Какое ещё место? Здесь ничего нет.

— Здесь — нет. — Яна подняла голову и посмотрела вверх крон. — А там — есть.

Лера и Кира проследили за её взглядом. Над лесом, метрах в трёхстах, возвышался силуэт. Ржавая металлическая конструкция с антеннами, растопыренными как пальцы. На вершине горел красный огонёк — ровный, немигающий. Как зрачок.

Вышка.

— Она не была видна с тропы, — сказала Кира. — Со всем.

— Лес не показывал, — ответила Яна. — А теперь показывает.

— Почему?

— Потому что Лера вошла в круг. Почти вошла. Лес запомнил её. Теперь он будет вести.

Кира спрятала анализатор в рюкзак. Руки у неё дрожали, но голос звучал твёрдо — так она всегда говорила, когда нужно было взять ситуацию под контроль, даже если сама не знала, что делать.

— Мы идём к вышке. Там может быть связь. Или укрытие. В любом случае — это ориентир. Оттуда будем решать, что дальше.

— А может, сразу к трассе? — Лера и сама услышала, как жалко прозвучал её голос. — Пока не стемнело.

— Трасса — два часа назад. Мы петляли, я не уверена, что найду обратную дорогу. А вышка — вот она. Полчаса ходу. — Кира застегнула рюкзак. — Идём.

И они пошли — вокруг поляны, по широкой дуге, не переступая канавку. Лера шла последней и чувствовала спиной взгляд. Она обернулась только раз — и увидела, что белое дерево чуть-чуть, едва заметно, повернуло крону в их сторону. Как подсолнух за солнцем. Только солнца здесь не было — было серое предвечернее небо и красный огонёк на вер-

шине вышки.

Она не сказала об этом подругам. Просто ускорила шаг.

Глава 4. ГОЛОСА

До вышки они не дошли.

Вернее — дошли, но не так быстро, как рассчитывала Кира. Лес не отпускал.

Тропа, которая до этого была прямой, начала петлять. Сворачивала без причины, огибала пустые места, где не было ни пней, ни оврагов, делала крюки. Компас Киры показывал то на север, то на северо-запад, то на северо-восток — стрелка дёргалась, как живая. Дважды они проходили мимо одного и того же замшелого валуна — Лера узнала его по трещине в форме буквы V. На третий раз Кира выругалась и остановилась.

— Мы кружим.

— Я заметила, — сказала Лера.

— Нет. Я следила по компасу. Мы шли прямо. Абсолютно прямо. И вернулись к тому же валуну. Этого не может быть.

— Значит, компас врёт.

— Компас не может врать. Он показывает на магнитный полюс. Это физика. — Кира постучала пальцем по стеклу.

— Если только здесь нет магнитной аномалии.

— Здесь вообще нет ничего нормального, — буркнула Лера. — Птицы, деревья, приложение. Может, и компас заодно.

Яна всё это время молчала. Она сидела на корточках у валуна и водила пальцем по трещине в форме буквы V. Потом

подняла голову и сказала:

— Это не аномалия.

— А что? — спросила Кира.

— Это как круги на воде. Вышка излучает частоту ноль. Она расходится концентрическими кругами, как от камня, брошенного в пруд. Лес искажается. Пространство искажается. Мы идём не прямо — мы идём по кругу. Единственный способ дойти до центра — идти на звук.

— На какой звук? — спросила Лера. — Здесь тихо.

— Не для меня.

Яна встала, отряхнула колени и, не дожидаясь остальных, пошла вглубь леса — но не по тропе, а под углом к ней, туда, где сосны стояли особенно плотно. Кира переглянулась с Лерой, пожала плечами и пошла следом. Лера — за ними.

Теперь тропы не было. Под ногами хрустел валежник, ветки цеплялись за одежду, мох проминался глубже, чем должен был. Лера старалась смотреть под ноги, но взгляд всё время возвращался к вышке — она то появлялась в просветах между кронами, то исчезала, но красный огонёк горел ровно.

— Кира, — позвала Лера. — Достань приборы. Что они показывают?

Кира на ходу достала анализатор. Включила. Направила антенну вперёд — туда, куда шла Яна. На экране побежали цифры.

— Частота растёт. Ноль запятая два. Ноль запятая пять.

Ноль запятая восемь. Мы приближаемся.

— К чему?

— К источнику. К тому, что излучает.

Лера хотела спросить «что именно излучает?», но в этот момент Яна остановилась.

— Слышите?

Лера прислушалась. Сначала — ничего. Только собственное дыхание и стук сердца. Потом — тихий, едва различимый гул. Как будто далеко-далеко работал трансформатор. Или как будто под землёй что-то гудело. И в этом гуле, на самой границе восприятия, проступали слова. Неразборчивые. Чужие. Много голосов сразу — как радио, поймавшее десяток станций одновременно.

— Это грибница, — сказала Яна. — Она проводит звук. Все звуки, которые слышал лес. За сотни лет. Может, за тысячи. Она запоминает всё.

— Зачем? — спросила Кира.

— Не знаю. Может, ей так нужно. Может, она просто есть. Как магнитофон. Как архив. — Яна прижала ладонь к стволу сосны и закрыла глаза. — Она говорит о нас. Сейчас. Она повторяет то, что мы говорили.

И в этот момент из гула выплыла фраза — чёткая, ясная, как будто кто-то стоял в десяти шагах и повторял за ними:

«...к трассе. Пока не стемнело».

Лерин голос. Записанный и проигранный обратно.

Лера попятилась. Наступила на ветку, и треск прозвучал

как выстрел. Из гула тут же выплыл этот треск — записанный и повторённый. А потом — смех. Тихий. Низкий. Не Лерин и не Кирин.

— Кто это смеялся? — прошептала она.

— Лес, — сказала Яна. — Или то, что под ним.

— Яна, мать твою, ты пугаешь меня до чёртиков.

— Я не пугаю. Я слушаю. — Яна открыла глаза. — И ещё я слышу, что мы почти пришли.

Она раздвинула ветки — и за ними оказалась вода.

Но Лера не пошла вперёд. Она стояла и прислушивалась. Гул грибницы снова изменился. Теперь в нём проступало что-то новое. Не фраза. Не смех. Одно слово. Повторяющееся. Как заевшая пластинка.

«Лера... Лера... Лера...»

Шёпот. Тихий, но отчётливый. Он шёл не из-под земли — он шёл отовсюду. Из стволов. Из веток. Из воздуха. Как будто лес выучил её имя и теперь повторял его на все голоса, которые когда-либо записывал. Мужские, женские, детские, старческие. И под ними — низкий, басовый, вибрирующий тон. Частота ноль.

— Ты слышишь? — спросила Лера.

— Да, — ответила Яна. — Слышу.

— Что это?

— Твоё имя. Лес зовёт тебя. Или то, что под ним.

Кира обернулась. Её лицо было бледным, но она всё ещё держалась — держалась за анализатор, за компас, за остатки

логики.

— Это акустическая иллюзия. Грибница записала, как мы говорили, и теперь воспроизводит. В том числе имя. Мы же сами его произносили — сто раз за последний час.

— Я не произносила, — сказала Лера.

— Что?

— С того момента, как мы вышли из автобуса, никто не называл меня по имени. Ни разу.

Кира открыла рот и закрыла. Она хотела возразить — и не нашла слов. Потому что Лера была права. В суете, в дороге, на тропе — они не называли друг друга по именам. Только «эй», «смотри», «иди сюда». Имени «Лера» не было. Его знал только лес.

— Откуда он знает? — прошептала Лера.

— Может, не он, — сказала Яна. — Может, тот, кто под ним.

Она раздвинула ветки шире, и за ними открылось озеро. Идеально круглое. Чёрное. Без отражений.

На дальнем берегу темнела вышка. Красный огонёк горел ровно, не мигая. Как зрачок. Как глаз, который смотрел прямо на них.

— Пришли, — сказала Кира. Голос у неё был сухим, как осенняя листва. — Ставим лагерь.

— Здесь? — Лера огляделась. — Прямо у воды?

— Здесь открытое место. В лесу темно. Завтра осмотрим вышку и уйдём.

— А если из вышки кто-то выйдет?

Кира посмотрела на неё долгим взглядом.

— Тогда мы с ним поговорим.

Глава 5. ОЗЕРО

Глава 5. ОЗЕРО

Озеро было идеально круглым. Как монета.

Чёрная вода лежала неподвижно, без ряби, без отражения.

Ни неба, ни сосен, ни последних лучей заката — только глубина, уходящая туда, где стоял перевернутый лес. Мёртвый.

Подводный.

— Здесь нет запаха, — сказала Лера.

Кира, которая уже сбрасывала рюкзак на землю, замерла.

— Что?

— У любого озера есть запах. Тина. Рыба. Водоросли.

Здесь — ничего. Как в вакууме. Как в комнате, из которой выкачали воздух.

Кира подошла к воде, наклонилась и опустила ладонь. Поддержала. Вытащила. Растёрла пальцы — и замерла, глядя на них.

— Она тёплая.

— Что?

— Вода. Она тёплая. Градусов тридцать, не меньше. Как суп.

Лера не стала проверять. Ей хватило птиц. Ей хватило голосов. Она не хотела трогать воду, которая должна быть холодной, но была тёплой, как живая.

— Значит, озеро искусственное, — сказала она. — Или

это не озеро.

На дальнем берегу, метрах в ста, темнел силуэт вышки. Вблизи она оказалась выше, чем думала Лера, — метров тридцать, не меньше. Ржавая. Старая. С основанием, напоминавшим скрюченную человеческую фигуру с разинутым в крике ртом. Антенны на вершине расходились растопыренными пальцами, и красный огонёк горел на кончике самого длинного «пальца» — ровно, не мигая.

— Тут кто-то жил, — сказала Кира.

У основания вышки стоял стол. Простой, деревянный, но ещё крепкий — доски потемнели от времени, но не сгнили. На столе — кружка с засохшей кофейной гущей, полевая аптечка с выцветшим красным крестом, керосиновая лампа. И журнал. Толстый, в плотной клеёнчатой обложке. Кира взяла его и открыла.

— «Вахтенный журнал», — прочитала она. — «Объект „Ретранслятор“. Зона радиомолчания номер семь. Начат: май 1987 года».

— Восемьдесят седьмой, — прошептала Яна.

— Ты что-то знаешь?

— Карта. — Яна полезла в карман и достала ту самую карту Таро, которую теребила весь день. Перевернула. Лера наконец увидела рисунок: Башня, разбитая молнией, и люди, падающие в бездну. — Башня. Шестнадцатый аркан. Разрушение. Конец всего привычного. Я вытянула её в день, когда Кира предложила поход. И ещё пять раз после этого. Шесть

раз подряд — одна и та же карта. Так не бывает, если только... .

— Если только что? — спросила Кира.

— Если только это не судьба. Карты говорили: лес. Вышка. Три человека. Я не знала, что это значит, но знала, что должна помочь выбрать это место. Должна была приехать.

— Ты поэтому согласилась?

— Да. Голоса в голове стали громче, когда я смотрела на карту этой области. Как будто они узнали это место. Как будто они звали меня сюда.

Кира переглянулась с Лерой. Лера пожала плечами. У них была договорённость: Яна — странная, но Яна — своя. Если она говорит, что карты показывали Башню, — значит, так и было.

Кира тем временем перелистывала журнал. Записи были короткими — дата, время, показания приборов. Частота. Амплитуда. Резонанс. С каждым месяцем почерк становился хуже — буквы прыгали, наклон менялся, строчки ползли вниз. Лера заглянула через плечо Киры и увидела, что первые страницы были заполнены аккуратно, даже педантично, с подчёркнутыми заголовками и ровными колонками цифр. А последние — коряво, вкривь и вкось, с кляксами и зачёркнутыми словами. Кира открыла последнюю запись. Сентябрь. Число неразборчиво.

Она прочитала вслух:

— «Частота 0.0 Гц. Это невозможно. Оно не излучает.

Оно СЛУШАЕТ. Я слышу голос матери. Она умерла в 73-м, но я слышу её. Грибница под землёй передаёт сигнал. Лес записывает всё. Каждое слово. Каждый шаг. Каждый удар сердца. Передаю вахту. Кто бы ты ни был — не снимай наушники. Оператор должен быть всегда. Иначе ОНО...»

Слово «ОНО» было перечёркнуто три раза, с таким нажимом, что ручка порвала бумагу.

Кира закрыла журнал. Руки у неё дрожали.

— Это писал сумасшедший, — сказала она. — Наверное просидел здесь слишком долго и повредился рассудком.

— А если нет? — спросила Яна.

— Если нет — то что?

— Если нет, то внутри вышки кто-то есть. Оператор. Который держит ОНО. Уже тридцать семь лет.

Лера посмотрела на чёрный провал входа. Он был похож на разинутый рот. Ей показалось, что изнутри тянет сквозняком — холодным, пахнущим озоном. Как из морга. Как из места, где уже очень давно никто не дышал по-настоящему.

— Я зайду, — сказала она.

Обе подруги обернулись.

— Ты? — Кира подняла бровь. — Ты, которая боится темноты?

— Да. — Лера не узнавала собственный голос. — Приложение показало ноль. Голоса повторяли моё имя. Я не знаю, что это значит, но я должна.

— Лера...

— Я быстро. Посмотрю и вернусь. Если там труп — мы уходим. Сразу. Без споров. К трассе. Вызываем кого угодно — спасателей, военных, полицию. Но сначала я должна увидеть.

Кира хотела возразить, но Яна её опередила:

— Пусть идёт.

— Ты серьёзно?

— Да. — Яна смотрела на Леру долгим взглядом, в котором читалось что-то похожее на прощание. — Иди. Мы подождём.

Лера отдала рюкзак Яне. Оставила только фонарь. Подошла к входу. Из чёрного проёма тянуло холодом и озоном. Тихий гул грибницы, который она слышала в лесу, здесь стал громче — низкий, басовый, вибрирующий где-то в груди.

Она включила фонарь. Луч выхватил железные стены, стойки с аппаратурой, перемигивающиеся лампочки. Всё работало. Всё гудело. Осциллографы рисовали зелёные синусоиды. Частотомеры показывали ноль.

И в центре, в круге тусклого света, стояло кресло.

— Там кто-то есть, — прошептала она.

Кира шагнула вперёд, заглядывая через плечо. Яна — следом. Все трое замерли на пороге.

— Мы с тобой, — сказала Кира. Голос дрожал, но рука, сжимавшая фонарь, была твёрдой. — Вместе. Как тогда, в школе. Помнишь?

Лера помнила. Десятый класс. Ночной спортивный зал

— они забрались туда после уроков, и Лере стало плохо. Паническая атака. Кира держала её за руку. Яна сидела рядом и монотонно, как мантру, повторяла: «Дыши. Дыши. Всё пройдёт».

— Помню, — сказала она. — Пошли.

Они вошли втроём.

В кресле— тяжёлом, с динамиками на подголовнике, опутанное проводами, сидела женщина. Старая. Седые волосы заплетены в косу. Из ушей, из глазниц, из запястий тянулись медные жилы, уходящие в пол, в стены, в распределительные щитки. Как вены.

— Она живая, — выдохнула Яна.

Лера подошла ближе. Луч фонаря дрожал. Она увидела кроссовки — «Конверсы» с фиолетовыми шнурками. Нашивку-единорога на язычке. Родинку над левой бровью. Плюшевого медведя с оторванным ухом на коленях.

— Это я, — прошептала она.

И старуха открыла глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.